

Призрак бродит по Арбату

Общая газета,
-1999.-2-8 дек.
-с.10

Завершается конкурс на лучший проект памятника Окуджаве

ЧЕСТНО говоря, очень хочется, чтобы выставка конкурсных работ в «Доме на Брестской» так и осталась чисто экспозиционным проектом. Во-первых, укрытые шифром-кодом конкурсанты поналепили из любимого всеми барда и писателя таких удручающих чебурашек, что посетители кто постарше буквально от порога ахают от ужаса. Те, кто помоложе, просто смеются: подворотни, стулья, пиджаки, деревья, обвешанные героями песен, чугунный воздушный шарик (один), кентавры (два), собака (одна), поэт в ночной сорочке (один) и т.п. Во-вторых, что вытекает из первого, провинциальное стремление наших скульпторов к обязательной пафосной фигуративности в очередной раз превратит кусочек уличного пространства (там, где Плотников переулочек впадает в Арбат) в подобие Ваганьковского кладбища. В-третьих, Окуджава – великий человек слишком близкой к нам эпохи, образ которой пока не откристаллизовался в знаки и символы, способные выразить идею или дух времени. От этого все проекты являясь, скорее, прямыми (и вполне тупиковыми) иллюстрациями к отдельным строчкам из его песен – современная художественная мысль, выразительно сплавляющая абстрактную идею и конкретный образ, здесь и не ночевала.

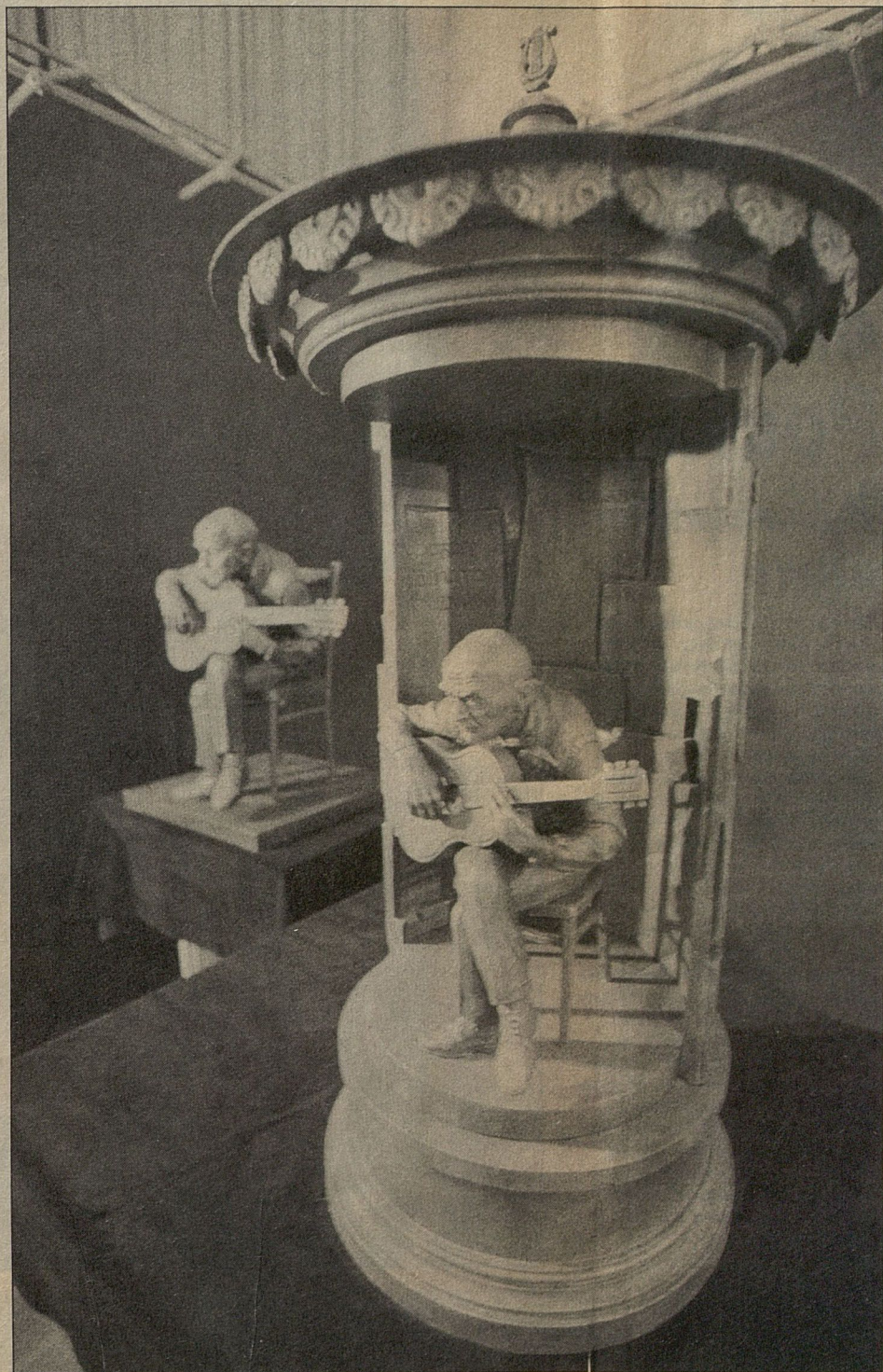
Тем не менее конкурс близится к окончательному выбору: 3 декабря экспертная комиссия Главного архитектурно-проектного управления вынесет свой вердикт, и начнутся работы по возведению памятника. Вообразить, что выберут эксперты, с одной стороны, трудно – экспертизе поддается только архаизм и нелепость выставленных работ. С другой стороны, не так уж и трудно, учитывая, что один из «зашифрованных» авторов не только узнается по размаху, высокой стоимости и общей аляповатости композиции, но и просто по подписи, которую оставил на одном из вариантов проекта. Творческой ненасытности Зураба Церетели можно только поражаться. Он готов, думаю, воплотить все свои варианты па-

мятника: Окуджава, припиленный к афишной тумбе; Окуджава, засунутый в ларек-ротонду; Окуджава на фоне полотна, разорванного гитарой; Окуджава, приколотый к коврику с видами Москвы. Все в бронзе. Разумеется с гитарой.

Отрешиться от нее никак нельзя – стремление к правде жизни не позволяет. Даже у конкурсанта, решившего не ваять поэта, а поставить ему памятник в виде «бард-кафе», все равно рука послушно нарисовала полузатопленную в асфальте гитару, к которой приделаны зачем-то усики («московский муравей»), и вся композиция выкрашена в совершенно немосковский ярко-синий цвет («синий троллейбус»). Вроде бы и неплохая идея (на фоне полного отсутствия идей), но загубленная цитатностью и литературщиной.

В сущности, интересны лишь две выставленные композиции. У каждой, впрочем, есть свои минусы, и довольно большие. Первая, где поэт размером в полтора человеческих роста выходит из двух громадных бронзовых подворотен, между которыми лежит (!) его впечатляющая по протяженности тень, – она, само собой, нелепа в своем гигантизме. Днем это, возможно, и будет выглядеть неплохо, хотя и громоздко. Но по ночам Плотников переулочек будет полностью перегороден сценой из фильма ужасов. Вторая – прелестна в своей идее, но, говорят, совершенно невыполнима при нашем допотопном уровне воплощения таких идей: фигура поэта несколько приподнята над мостовой и как бы движется по светящейся полосе («и прозрачен асфальт, как в реке вода»), выполненной из зеркального материала, который по ночам должен подсвечиваться. Увы, постановкой для летящего Окуджавы является пиджак, который он небрежно держит в руке. Нарушения пропорций фигуры в этом памятнике очевидны. Так что придется вернуться к первой фразе этой статьи – лучше ничего, чем кое-как.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Такие проекты...